Гнездо беркута -2 / повесть

Category: Kitapcy,Powestler
написано kitapcy | 22 января, 2025
Гнездо беркута -2 / повесть

6. Странный разговор

Когда человек болен и прикован к постели, мысли его редко устремлены в будущее. Что понапрасну мечтать, если все в руке Аллаха и только от него зависит: ждет ли человека долгая счастливая жизнь или дни его уже сочтены. Куда полезней, вспоминая минувшее, пытаться найти там знаки, предвещавшие нынешние неудачи. Чем чаще перебирал Рахим Йылма в памяти события последних дней, тем ясней становилось ему, кто оказался вестником беды.
Этого наездника было ни с кем не спутать. Что ни выделывал под ним конь, Нургельды сидел в седле как влитой. И точно так же, словно каменное изваяние, застыл на его руке ловчий беркут Нургельды – Бек.
Узнав всадника еще издали, Рахим Йылма засуетился. Разгладил усы, приосанился. Рахим происходил из состоятельной и почитаемой семьи, но самому ему не удалось добиться в жизни ни особого положения, ни уважения односельчан. Тем больней переживал он возвышение других. «Да кто ты такой? – ворчал он, подкладывая дров в костер. – Думаешь, если мирабом стал, так теперь самый главный? Раньше слюни пускал от радости, что я с тобой заговорил, а возомнил, что мы ровня. Ничего, ты у меня еще узнаешь, где запад, где восток!».
– Я так и думал, что это ты все Каракумы закоптил, – вместо приветствия крикнул Нургельды. – Что, гелнедже голодной оставила? Так тебе и надо, старый хрыч! Доставлял бы жене удовольствие, так и она б тебя на руках носила. А коль сил – кот наплакал, обнимайся здесь с саксаулом, ха-ха-ха!
– Присаживайся к огню, Нургельды-джан. Попей со мной чайку.
– Эх, Рахим, бессильному никакой чай не поможет, – сокрушенно покачивая головой, продолжал насмехаться Нургельды. – Старые

кости одеялом не согреешь! Что ты здесь валяешься?! Нет, чтоб о семье позаботиться! Уж не думаешь ли ты, что твоя доля сама на тебя с неба свалится? Знай, это только сова к человеку незваной прилетает!

— А то я не знаю, что удача сама не приходит. Пол дня мотался, вот и решил чайку попить.

— И это за пол дня вся твоя добыча? — сказал, указывая взглядом на пустой мешок Нургельды. — Небогато.

— Какая теперь охота…

— Какой охотник, такая и охота, — усмехнулся Нургельды, к седлу которого были приторочены джейран и два зайца. — Дичи полно. Просто твой Алгыр уже, как и ты, ни на что не годится.

— Да ты знаешь, какой у меня беркут! Елбарс-бай за него отару предлагал, а я отказался. Клянусь!

— Хватит!.. хватит!.. Размечтался, старый обманщик.

— Да я в иной день с этим беркутом до тридцати лис беру!

— То-то я и вижу, что ты пустой мешок караулишь.

— Сегодня у меня другие намерения.

— Какие же это?

— Ты знаешь, что в чалмаре у Ябана джейран живет? Я, между прочим, за ним сюда приехал. У Ябана никакого понятия. То он хромого джейрана подкармливал, теперь этого. Когда я хромоножку подстрелил, так он чуть не плакал. Накинулся на меня. «Как ты мог?!» — кричит. Вот только лишний шум мне ни к чему, иначе б я давно уже этого джейранчика пустил пастись за облаками.

— Только тронь!

— А что будет?

— Узнаешь, — отрезал Нургельды. — Не с Ябаном, со мной будешь дело иметь. Понял! И вообще, нечего тебе здесь хозяйничать. Вырой свой колодец, поставь шалаш и прохлаждайся там сколько душе угодно.

— Шутишь, Нургельды-джан?

— Еще тебя здесь увижу, тогда узнаешь: шучу я, или нет!

— Ябан никому здесь отдыхать не запрещает.

— А я запрещаю. Понятно?!

— Понятно, — повторил Рахим Йылма, удивляясь с чего это

Нургельды защищает Ябана и его джейранчика.
— Вот какой ты у нас понятливый, — рассмеялся Нургельды. — Снег сегодня будет?
— Откуда мне знать, — огрызнулся Рахим.
— Ты же сам говорил, что тебя перед непогодой блохи кусать начинают, ха-ха-ха! — Нургельды пришпорил лошадь. — Будь здоров, Рахим! Да запомни: чтоб я тебя здесь больше не видел.
— Что ж ты, Нургельды-джан, даже чайку не попил? — крикнул Рахим Йылма, глядя вслед гарцующему всаднику, а когда тот скрылся из виду, выругался: — Балбес!.. С водой к тебе, мираб, богатство пришло, как вода и схлынет! Недолго твоей арбе скрипеть осталось!
Потом Рахим допил чай, укрыл хворостом слаженое из стволов саксаула устье колодца, зашел в шалаш, чтобы оставить там тунче. Напоследок погрел над догорающими углями костра руки, отвязал от лапы Алгыра привязь, на которой тот разгуливал неподалеку от шалаша, забрался на лошадь и поплотней закутался в шубу, его почему-то знобило. Он кинул прощальный взгляд на шалаш, в котором дремал джейраненок. Но брать его Рахиму расхотелось. Мысли были заняты одним: отчего это Нургельды заделался вдруг защитником Ябана?
Он размышлял над этим, покачиваясь в седле, но вдруг его лошадь навострила уши и коротко заржла. Верно говорят, что кобыла ногами видит. В трех-четырех шагах от тропы убегала зарослями перепуганная лисица. Помня охотничую примету, что брать одинокого зверя к беде, Рахим, хоть соблазн был и велик, не стал тревожить своего беркута. Но когда некоторое время спустя та же лисица вновь пересекла его тропу, он решил — была не была! — и снял с Алгыра колпачок.
Беркут медленно повел головой, оглядывая окрестности, заметил лисицу и взлетел. Набрав высоту, он завис там на несколько мгновений, удерживая себя редкими взмахами крыльев. Потом послышался характерный свист, это беркут ринулся вниз. Он падал камнем, потом полетел над землей и скрылся из виду за барханом. Через некоторое время Алгыр показался вновь, но добычи у него в когтях не было. Рахим встревожился: «Что это? Неужто беркут упустил такую легкую добычу?».

Алгыр стал снова набирать высоту. Он поднимался все выше и выше. Было похоже, что птица собирается атаковать вновь. Но вместо этого беркут развернулся по ветру и полетел прочь. Рахиму показалось, что в своих когтях Алгыр уносит его сердце.

— Хайт! Хайт! — завопил он, размахивая руками.
Его крик эхом отозвался в пустынном просторе. Алгыр улетал. Рахим Йылма пришпорил лошадь, поскакал вдогонку за беркутом. Один бархан за другим оставлял он у себя за спиной. Нагайкой нахлестывал ни в чем неповинную кобылу, пока рука не онемела, но беркут так и не вернулся на его зов.
От этих печальных воспоминаний к реальности вернул его голос жены.
— Что с вами, отец детей моих? Побледнели так. Уж не лихорадит ли снова? — Она раскинула перед ним скатерку. — Я снова лапшы приготовила. Съешь унаш, пропотеешь, как следует, хворь и отступит. Я и горстку маша бросила. Меня еще бабка учила, что маш самое верное средство от простуды. А голову, давай, платком повяжем. Надо пропотеть. И не вздумай раскрываться, а то — ни дай Бог! — просквозит снова. Погода-то совсем испортилась. Не вставай, не вставай. Давай-ка, лучше еще одну подушку подложу. — Все так же беспрестанно тараторя, Зохра принесла таз и кувшин с подогретой водой. — Ополосни руки, отец! Позволь я тебе полью…
Рахим подивился многословию жены. Он догадывался, что тому наверняка имеется какой-то повод, но спрашивать ни о чем не стал. Не говоря ни слова, омыл руки, придвинул поближе к себе миску с лапшой и стал есть.
Зохра тем временем заварила чай и, наполнив празд¬ничную, с позолотой пиалу, поставила ее перед мужем. Сама же сидела напротив, с умилением глядя на Рахима.
— Перестань шуметь! — прикрикнула она на Бабагельды, который затеял игру в бабки. — Чтоб ты провалился, проклятый! Из-за этих шалопаев спокойно и чаю нельзя попить, — разворчалась Зохра.
— Не шуми, жена! Глазом моргнуть не успеешь, как эти львята настоящими львами станут. Будет у каждого своя охота, своя

львица! На кого тогда ворчать станешь? Ничего тебе делать не останется. Будешь к ним в гости ходить, на почетном месте сидеть и на внучат любоваться.
Рахим Йылма рисовал эту полную благодати картину, чтобы успокоить расшумевшуюся жену, но достиг совсем не того, к чему стремился. Его слова оказались тем самым камушком, от которого срывается с горного склона грозная лавина.
— О внуках он размечтался!.. Ты сначала сыну дом поставь, чтоб было где гнездо свить. Жени его. Глянь, каким красавцем наш Дурдымурад стал! Вовремя сына женить — это родительский долг. Соседская Огулсенем, да, это не девушка, а настоящий цветок!..
— Опять ты за свое? — попытался остановить жену Рахим, но было уже поздно.
— Хоть одета и скромно, а все равно среди сверстниц выделяется. Тьфу-тьфу-тьфу на дурной глаз! А Дурдымурад-то наш не промах! Разбирается, что к чему. Я поначалу все в толк взять не могла, чего это он перед их кибиткой, заломив папаху, разгуливает. Руки у нее, поверь мне, отец, золотые прямо…
— Тебе только дай волю язык почесать, так ты пятерых переговоришь! Надо меру знать! Нашла, кого расхваливать.
— За эту девушку ее дела говорят, — не унималась Зохра. — Ты ел куртук, да нахваливал. А его, между прочим, Огулсенем готовила.
— За что я тебя, Зохра, всегда хвалил, так это за сообразительность. А теперь?.. Что это за детские разговоры? Разве ты не поддержала меня, когда я решил женить сына на дочери Нургельды, а?
— Поддержала!
— Так что ж ты теперь зря языком молотишь! — возмутился Рахим. — Не этими ли самыми словами ты дочку Нургельды расхваливала. И умница она, и красавица, и руки у нее золотые… Может, тебе все равно, кого хвалить? Только я, между прочим, по твоему же научению уже ходил к Нургельды свататься. Что он теперь скажет, если я к Ябану свататься пойду? Ты бы об этом лучше подумала.
— А то я не думала. Мне самой-то лучше дочки Нургельды

никакой невестки не надо.
— Так о чем разговор?!
— Нам нравится, а сыну не нравится. Беда, да и только. Не думала я раньше, что так может быть. А он уперся, ни о ком кроме Огулсенем и слышать не хочет. Зачем станем сына неволить?
— Не такая уж это тяжкая неволя — объятия красавицы. В них обо всем на свете забудет, — усмехнулся Рахим.
— Я вот еще о чем тревожусь, отец, — осторожно сказала Зохра. — Как бы не отказал нам Нургельды.
— Почему?
— Аппетит у него знаешь какой? Будет богачей искать. Мы для него никто.
— Брось ты! И мы не меньше богачей дадим. А если потребуется, то и побольше. Ты же знаешь, я с ним всерьез только один раз говорил. А принял он меня, между прочим, как родного, с кем много лет не виделся.
— То-то ты от него вернулся быстрей, чем ветер следы замел, — съязвила Зохра.
Рахим сделал вид, что не слышит ее колкостей.
— Да он волчком вокруг меня вертелся. Выставил все самое лучшее. «Если, — говорит, — на конец ветки привесить камень, то она в конце согнется. Нынешние жены, дорогой гость, вроде этих камней. Пилят и пилят своих мужей до тех пор, пока те против своей воли не пойдут той тропкой, какую они для них выбрали. Как ни горько сознаваться, Рахим-ага, но и я не исключение. Перед тем, как согласие дать, надо с женой посоветоваться». «Что ж, — говорю, — ты, Нургельды-джан, точно мне в душу заглянул!» Вот весь разговор, слово в слово!
— Если б так и было, мы бы уже давно свадьбу сыграли. Я тебе вот, что скажу. Коль девушка сыну приглянулась, так не станем мешкать. Пускай Нургельды хуже будет. А Ябану за честь с нами породниться, тянуть не станет. Между прочим, к ним в дом сваты ну, точно, твои муравьи дорогу проложили. Только из уважения к нам они до сих пор никому согласия не дали.
— Это их дело.
— Все село говорит, что Дурдымурад и Огулсенем любят друг

друга.
— Небось сама эти слухи и разносишь! Ты же у нас, как квочка, еще яйца не снесла, а уже за пол дня кудахчешь. Великое дело — сына женить! Можно подумать, что только у тебя одной сын есть.
— А заботы о детях все на мне! Знал бы ты, что это за тяжесть.
— Будто я о детях не забочусь! — обидел Рахим. — Но я еще и о завтрашнем дне думаю.
Между тем, слова жены все больше подтачивали непреклонность Рахима. Чего уж проще, махнуть на все рукой и привести в свой дом дочь Ябана. Только много ли проку от этого? — размышлял он. Ябан, этот простак, и так ни в чем не отказывает. Другое дело Нургельды. Да-а, кто с мирабом породнится, тот без воды не останется. А как же иначе!.. Не допустит Нургельды, чтобы собственная дочь нужду терпела.
Но напрямик о своих резонах не сказал.
— Твоя любовь к детям, женушка моя, ну, точь в точь, как у верблюдицы. Та, чтоб свое дитя спрятать от всех, ляжет на верблюжонка да и раздавит его. — Рахим мельком глянул на Зохру, проверяя, как она восприняла его слова, потом прибавил: — К тому же дочь Ябана — тихоня…
— Радоваться надо, что тихоня…
— Не скажи. Что в этом хорошего? Мне нравятся женщины напористые, с характером. Своим достатком, скажу по совести, мы наполовину твоей настырности обязаны. А жена Ябана?.. От нее никогда слова лишнего не услышишь — вот поэтому и живут в бедности!
— Не надо мне никакого богатства, — неожиданно заявила Зохра, — были бы только сыты, одеты… Да чтобы радость в доме была! Ни о чем другом не мечтаю. Ну, скажи, ты хоть раз с детьми по-человечески разговаривал?! Шутку, доброе слово они от тебя слышали? Нет, не было такого! Что толку в богатстве, если счастья в доме нет? На тот свет сундуки с собой не потянешь. Нашел, чем гордится: кучкой плешивых овец!.. — Выговорившись, она резко поднялась и стала убирать грязную посуду. Некоторое время покой дома нарушал только стук мисок друг о друга. Но

это затишье тянулось недолго. — На днях Нурджан-ишана видела. Интересовался, когда у нас свадьба будет. Я сказала, что обязательно его на той позовем.
— Мелешь языком, что попало!.. О, Аллах! — простонал Рахим Йылма, переворачиваясь на другой бок, лицом к стене. — Клянусь, еще когда ты ужин подавала, я сразу понял, что и улыбки твои, и слова льстивые — это все не просто так!
Но больше всего Рахим был зол сейчас на сына.
«Дурак, ах, какой дурак! — в мыслях распекал он Дурдымурада. — Красотой по молодости лет обольстился. А на кой, спрашивается, человеку красота? От остывшего чая и то проку больше. Им хоть жажду утолить можно! Не о красоте думать надо, а о своем завтрашнем дне. Не пара тебе дочь Ябана, не пара! Сейчас ты для людей человек, у которого свой дом есть, да и в доме кое-что имеется. А не будет у тебя поддержки, так и уважать перестанут. Нищий никому не нужен! Если можно за твой счет поживиться, вот тогда люди приветливы. А если проку им от тебя нет, то и лишним словом с тобой не перекинутся. Перед зятем Нургельды все шапки ломать станут, везде будешь желанным гостем. Пусть не красавица, пусть упрямая… Ничего! Это даже неплохо. С такой женою не побездельничаешь. А ведь мы, мужчины, какие?.. Не будет жена все время пилить, так и станешь лодырем. Вот в чем правда-то!»

7. Река отчуждения

Какими бы натянутыми не были отношения между двумя семьями, Рахим и Ябан, как подабает соседям, при встрече приветствовали друг друга и, как ни в чем не бывало, болтали о пустяках. Но эти разговоры не могли, конечно, иссушить холодную реку взаимной неприязни, что разделяла их. Истоки ее были в далеком прошлом. С детства они недолюбливали друг друга. Тем не менее дело никогда еще не доходило до открытого столкновения.
С детства Ябан свои обиды не прятал, говорил обо всем напрямик. Рахим был совсем другим. Как бы он ни злился, виду не подавал, но исподтишка мстил. Даже когда они оба женились, река холодности, что разделяла их, не пропала. Временами эта

река разливалась, как море, временами пересыхала, превращалась в ручеек, но исчезнуть совсем не могла. Однако случалось, что то одному, то другому приходилось вступить в ее холодную воду, чтобы добраться до противоположного берега.

Так было несколько лет назад, когда Ябану пришлось обратиться с просьбой к соседу. Если бы только ломота в коленях, он бы, пожалуй, перетерпел, но Огулсенем, бедняжку, совсем замучали чирья, а у Рахима Йылмы имелись черепашьи яйца и пеликаний жир, что и заставило Ябана переступить соседский порог.

— Правильно сделал, Ябан, что пришел, — сказал Рахим, выслушав его просьбу. — Лучше этих снадобий не найти.. Хворь, как рукой, снимают. Ты и представить себе не можешь, сколько я сил потратил, чтобы их добыть. А они, можно сказать, тебя дожидались. Понимаешь, обещал я их одному человеку. — Ябан, решив, что это отказ, собрался уходить, но Рахим задержал его. — Что ты, сосед! Ему не к спеху. Для него я еще раздобуду.

Надо сказать, лекарства стоили тех денег, что заплатил за них Ябан. Не прошло и недели, как болезни точно рукой сняло. Благодарный Ябан отправился к соседу.

— Да благословит тебя Аллах, Рахим! Да благословит тебя Аллах! — твердил он одно и тоже, не в силах побороть охватившего его волнения.

— Что я тебе говорил! Лучше моих снадобий не найти.

— Что правда, то правда, сосед. Да благославит тебя Аллах! Чтоб тебе самому никогда лекарства не понадобились!

После этого случая отношения между соседями наладились. Чуть ли не каждый день они ходили другу в гости. Ябан не садился ужинать без Рахима. Не перебивая слушал его бесконечные истории.

Весной, когда дайханских забот прибавилось, Рахим по всякому пустяку стал обращаться к Ябану то за советом, то с просьбой о помощи. Поначалу Ябан помогал соседу с готовностью — рад был отплатить Рахиму добром за добро. И все ж временами он испытывал раздражение — сосед, похоже, не знал меры.

Однажды ночью Ябану приснилось, что он отправляется куда-то верхом на верблюде, а после этого услышал он громкое стрекотанье сороки, которое его и разбудило. Только

рассветало. Некоторое время он лежал, размышляя к чему бы это за раз приснились две дурные приметы. Но ничего не надумал, и занялся домашними делами, ведь Джумагуль уже больше недели нездоровилось. За хлопотами по дому и застал его Рахим Йылма.

— Бог в помощь, Ябан-джан! Все живы-здоровы?

— Слава Аллаху!

— А я к тебе, Ябан-джан, с просьбой. Пшеница моя созрела, пора жать, я что-то расхворался, не управиться мне одному. Помоги, а то, боюсь, полевки да воробьи без зернышка меня оставят.

— Вот беда какая, — вздохнул Ябан. — Я-то свой урожай еще не собрал. Джумагуль хворает, мне и за детьми приглядывать приходится.

— Что с ними случится!

Ябан растерялся. Он принялся объяснять, как туго ему сейчас приходится, но Рахим его не слушал.

— Не думал, Ябан-джан, что ты в трудную минуту откажешься мне помочь. Я и минуты не раздумывал, когда ты пришел ко мне за пеликаньим жиром. Не посмотрел, что он другому человеку обещан. Только ты не подумай, что я специально об этом вспомнил. Нет, я человек бескорыстный. Просто к слову пришлось.

— Не отказывай соседу, отец детей, — сказала Джумагуль. — Мы уж как-нибудь обойдемся.

Увы, не обошлись. Из-за того, что помогал притворщику Рахиму убирать урожай, молотить и веять зерно, Ябан взял со своего поля чуть ли не вдвое меньше, чем в другие годы. Уже к середине зимы все запасы кончились. Пришлось снова отправляться к соседу с просьбой. Рахим Йылма клялся и божился, что у него осталось совсем мало, только чтоб посеяться. Ябан знал, что это не так, ведь он сам таскал мешки с зерном в погреб соседа. Он ушел с пустымии руками. И после этого случая вода в реке, что разделала их, стала прибывать.

Однажды зимою они отправились на охоту. Всю дорогу Рахим похвалялся своими охотничьими подвигами. Но вместо похвалы, Ябан только сдержанно заметил, что убивать дичи больше, чем того требуется для пропитания семьи, грешно.

Рахим Йылма, которого это замечание задело, начал оправдываться.

— Ах, Ябан, чего ради детей не сделаешь. Лишь бы они не голодали, лишь бы одеты были опрятно!.. Да ради этого и не такой грех на душу возьмешь… А иначе разве стал бы я дичью торговать?!

Поверить в искренность Рахима было трудно. Ведь в его загоне не переводился скот, да и зерна вполне хватало от урожая до урожая, кому, как не Ябану, это знать.

Временами Ябан сравнивал себя с козою, которую повадился доить варан. Те, как известно, большие охотники до молока. Заметив одинокую козу, варан начинает шипеть и бить хвостом по земле, завораживая таким образом свою жертву, а сам тем временем подбирается к ее вымени. Коза стоит неподвижно, словно зачарованная, и приходит в себя лишь от боли, когда варан вцепится в ее вымя. Но освободиться не может и вынуждена терпеть, пока тот не насытится. После такой дойки на вымени козы остается рана, которая досаждает ей долгое время. Казалось бы, это должно послужить козе уроком, но нет — варану удается обманывать ее снова и снова. Так и Рахиму раз за разом удавалось обмануть простодушного Ябана. А тот успокаивал себя тем, что в конце концов за всякое зло последует справедливое возмездие.

Шли годы, вода в реке, разделявшей соседей, то убывала, то прибывала. Сейчас, после того, как у Рахима Йылмы улетел беркут, она вновь начала мелеть. Соседи опять стали ходить друг другу в гости. Но разбирать хворост, что издавна взамен забора складывали на меже, разделявшей соседей, Ябан не торопился. Однако из головы не шли слова Рахима, сказанные тем некоторое время назад. «Что мы из-за всяких мелочей друг на друга обижаемся?! В чужом глазу соринку легко заметить. Ссоримся, сплетни разводим, каждый себя невинной жертвой воображает. А ведь вина на каждом лежит. Знаю, ты на меня, Ябан, обижаешься. Но кто в этом мире не ошибался? Пусть прошлое останется в прошлом!..» Сто раз был согласен с этими словами Рахима Ябан. Оттого продолжал приглашать соседа в гости и сам изредка навещал его, хотя, если честно, делал это

без особой охоты, а только чтобы проявить участие к больному.
Но после того, как Ябан увидел свою дочь с соседским Дурдымурадом, он перестал ходить к Рахиму. Ждал сватов. Он был рад, что той ночью сдержался и не избил дочь, ведь больше всего на свете Ябан желал счастья Огулсенем. И хотя трудно было примириться с мыслью, что дочери придется жить в чужом доме, в котором ей никогда не будет так же хорошо, как в родном, и это наполняло душу тревогой, Ябан все же не мог не признать, что Дурдымурад парень, в общем-то, неплохой — вежливый и трудолюбивый.
Иногда ночами, мучаясь бессоницей, Ябан видел перед собой улыбающееся лицо Дурдымурада, мысленно вел с ним бесконечные разговоры. Страшило, что Дурдымурад может стать таким же как его отец, Рахим Йылма. Не мог простить Ябан, что вновь и вновь удавалось Рахиму втереться ему в доверие, обмануть и подчинить себе. «Что верно. то верно: в человеческих слабостях он, как никто, разбирается. Польстит, когда надо, заболеешь — навестит, поговорит, а уж говорить он мастак — и о старине много знает, и о том, что сейчас творится. Но всегда и повсюду выгоды себе ищет. Шагу просто так не ступит. Сколько лет прошло, а он все тот пеликаний жир вспоминает. А я ведь и заплатил сполна, а позже полную склянку пеликаньего жира подарил. Это он позабыл, а что вылечил меня — всякий раз вспоминает. Так и хочется иной раз сказать: «Отруби эту проклятую ногу, только не говори больше, что я тебе обязан». Одна беда: Рахим и после этого от меня не отстанет».
И снова, в который уж раз, давал Ябан зарок быть с Рахимом всегда настороже и по возможности держаться от него подальше.

8. Уговоры

Плохо ты знаешь Нургельды, — сказал Нурджан-ишан, глядя Ябану прямо в глаза. Потом, поправив шубу, продолжил. — Золотой он человек. Нет, нет, послушай. Соглашайся, не раздумывай!. В его доме дочь твоя будет, как сыр в масле кататься, в шелках ходить. Да и самим вам давно пора подружиться. Живете поблизости, вот и будете друг к другу в гости ходить. Я

слышал, ты опять с Рахимом помирился. И это после стольких лет ссоры. Не разбираешься ты в людях, Ябан. Понаглядке о них судишь. Потом, опять же сидишь ты в самом конце арыка. Из-за нехватки воды каждый год урожай недобираешь. А уж Нургельды бы помог тебе, – Нурджан-ишан умолк и пристально посмотрел на Ябана, ожидая, что тот скажет. Но, когда молчание затянулось, примирительно произнес: – Ничего, мы тебя не торопим. Ты хорошенько подумай, а мы заглянем через неделю. До свидания!
Только теперь дошло до Ябана, отчего расщедрился Нургельды на тое у Нурджан-ишана. В голове его звучал голос жены: «Нургельды просто так даже пыль со своих ковров не даст. Неспроста это. Что, интересно, ему от нас потребовалось?». Теперь Ябан узнал ответ на этот вопрос. Ни слова не говоря гостям, он решительно направился к загону, и вскоре вернулся, ведя барана, того самого, что подарил ему Нургельды.
– Держи, – сказал он, протягивая Нургельды веревку. – Забери свой подарок.
– Что ты, что ты… – Нургельды торопливо заскочил в седло, пришпорил лошадь. – Счастливо оставаться, Ябан-ага. Мы еще заедем.
Из кибитки донесся плачь – это рыдала Огулсенем.

9. Уговоры
(Продолжение)

С наступлением весны, когда установилась теплая погода, Рахим Йылма встал на ноги и окончательно выздоровел. И все же он не чувствовал прежнего удовлетворения жизнью. Ему не хватало Алгыра. Он мечтал заиметь новую птицу, чтобы охотиться с ней в песках, чтобы вновь жена восхищалась им, когда вернется с богатой добычей, которой хватало и для семьи, и чтобы продать соседям, а остатки преподнести в дар Нурджан-ишану, а взамен получить его благословение. Теперь, не зная, чем занять себя, он из-за каждой мелочи придирался к домашним, а в мыслях вновь и вновь подсчитывал, сколько дней минуло с тех пор, как Алгыр улетел от него. С каждым днем плечи его опускались все ниже и ниже, словно их придавило нуждой. Мысль о том, что надо любой

ценой добыть нового беркута, преследовала Рахима днем и ночью. И вот наконец он решился, сложил в хурджун снеди, чтобы хватило на неделю, оседлал кобылу и отправился к Ябану.

Тот неподалеку от загона рубил дрова. Хыдыр помогал отцу, относил поленья в кибитку. Наградой за это ему была сказка. Совершив ходку, Хыдыр бегом возвращался и устремлял на отца требовательный взгляд.

— …Битва разгорелась. Разъяренные львы горели жаждой победы, но муравьев было много, очень много. Тысячами они гибли, но еще тысячам удалось достичь цели. Они искусали львов так, что те в конце концов взмолились о пощаде. Вот тогда и стало им ясно, почему пророк Сулейман здоровался со львами сидя, а приветствуя муравьев вставал. В конце концов львы и муравьи заключили перемирие. Только рыжие муравьи-древоеды, которые опоздали на битву, до сих пор воюют со львами. И больше всего от них достается львятам. Львы же из-за этого считают муравьев лжецами и клятвоотступниками.

Завидя приближающегося соседа, Ябан прервал рассказ.

— Добро пожаловать, Рахим!

— Ты не на охоте?

— Как видишь! Дома дел поднакопилось.

— А я в горы собрался. Может, составишь мне компанию.

— В горы?

— А что!.. Прогуляемся, Ябан-джан! Мудрые люди говорят, что в этом бренном мире, куда пришли мы на несколько дней, только то и существует, что мы своими глазами смогли увидеть. Хочу взглянуть на священные вершины. Да только в одиночку ехать тоскливо. Я люблю поговорить, ты умеешь слушать, думаю, вдвоем нам неплохо будет. Мне лучше тебя, Ябан-джан, спутника не найти. Ну, как?..

Приветливый вид Рахим Йылмы и его льстивые слова не могли обмануть Ябана — слишком хорошо знал он характер соседа. Ябан сразу смекнул, что Рахим решил отправиться в дальний путь, чтобы добыть себе нового беркута, а вовсе не для того, чтобы любоваться горами. И конечно карабкаться по отвесной скале к орлиному гнезду придется ему, Ябану. «Не вздумай согласиться!» — приказал сам себе Ябан.

— Знаю я там одно урочище, Ябан-джан. Дичи полно. И отдохнем, и поохотимся всласть.

— В горах сейчас опасно, Рахим. Снега еще не сошли. Давай-ка лучше в пески отправимся.

— Что пески!.. Они, Ябан, всегда под боком, надоели уже. Поехали в горы!

Ябан подошел к Рахиму почти вплотную, заглянул ему в глаза.

— Зачем, Рахим, сто раз повторять «мус-мус», вместо того, чтоб сразу сказать «Мустафа», — напомнил он соседу старинное присловье. — Ты остался без беркута и в горах хочешь добыть птенца, так?

Рахим Йылма промолчал.

Ябан взял висевший на изгороди чекмень, набросил его на плечи. Однажды, в такую же пору он отправился в горы и потом дорого поплатился за свое безрассудство — потом почти месяц лежал больной в постели. Но сейчас он готов был забыть даже об этом, если б только мог знать, что Рахим перестанет охотиться ради корысти.

— Послушай меня внимательно, сосед. Много раз я собирался сказать тебе все начистоту, да все как-то не выходило. Но теперь не обессудь, если неприятно будет мои слова слушать. Скажу все, как думаю. Знай: я обрадовался, когда у тебя улетел Алгыр! И мечтаю об одном только: чтобы больше никогда у тебя не было ловчей птицы. Думаю, ты знаешь, почему!

— Я думал, сердце у тебя добрее, Ябан. Видно, ошибался. — Рахим отступил на шаг, и вдруг заговорил быстро, сбивчиво. — Ты знаешь, Ябан, у меня в доме все есть. Все, что душе угодно. И ничего лишнего мне отныне не надо. Как Алгыр улетел, я многое передумал. И поверь, я теперь другой человек. Нурджан-ишан говорит, что эта птица была на хоругвях всех потомков Огуз-хана, всех берущих начало от него племен и родов, ибо первыми приручили беркутов для охоты наши предки.

— Наверное это так, но они охотились по совести, и добывать дичи больше, чем требуется для пропитания, всегда считали грехом.

— Это правда, и я — клянусь! — никогда не согрешу впредь. Охотиться стану только для души. Нет ничего в мире дороже

взамного понимания. И когда я в песках, мне кажется, что я понимаю весь мир, и он понимает, что у меня на душе. Не могу существовать без песков, без степного простора. Сердце мое отдыхает, когда пью чай в твоем шалаше, будь благословен построивший его! И беркут для меня больше, чем просто птица. Без него я сам не человек. И поверь, отныне мне чужда алчность. Говорю об этом искренне. Верно люди говорят, какова бы ни была беда, она с человеком не вечно. Помнишь, когда ноги у тебя болели, ты ведь готов был уже отчаяться. Я, как глянул на тебя, сразу понял, что в твоей душе творится…

10. Гнездо беркута

Уже начало смеркаться, когда наконец достигли гор. Дальше путь лежал по узкой тропе, что вела в глубь ущелья. Ехали молча; тишину нарушало только цоканье копыт, да вторившее ему гулкое эхо.

— Пожалуй, здесь остановимся, — подал голос Рахим. — Хорошее место, тихое. — Небольшая площадка, защищенная от ветра огромными валунами, была и в самом деле удобным местом для ночлега. — Мы здесь в прошлый раз с Нургельды останавливались. А вот там, — Рахим Йылма указал взглядом на вершину скалы, нависшей над местом их привала, — гнездо беркута. Ох, помню, как я туда карабкался. Да еще ночью — представляешь! Думал, ночью беркут спит, а он, чертова птица, напал на меня, чуть глаза не выклевал. Но я своего достиг. Когда вниз спустился, Нургельды подколоть меня хотел. «Где, — спрашивает, — Рахим-ага, добычу прячешь?» Я достаю из-за пазухи птенца. У Нургельды глаза на лоб полезли. «Неужели беркутенок?» «Он самый!» — отвечаю. Потом он долго еще удивлялся, что я ночью сумел на такую скалу взобраться. «Если бы, — говорит, — своими глазами не видел, ни за что бы не поверил!» В село вернемся — спроси у него, если сомневаешься.

Ябан собрал сухой хворост, расчистил снега и стал разводить костер. Когда пламя занялось, набил снегом тунче, поставил на огонь. Рахим расстилал кошму и продолжал взахлеб рассказывать о своем прошлом посещении этих мест.

— Не раз, не раз я бывал тут! Когда приезжал с Нургельды, до

утра сидели у костра. Здесь так легко дышится… В прошлый раз и глазом мигнуть не успели, как весь чай выпили. Я тогда чуть не опозорился — заварки мало взял. Хорошо, что он прихватил с собой, будто знал, что мы пить много будем. Нургельды мне говорит: «Остатки тебе!» и подает последнюю пиалушку с самым крепким, вкусным чаем. Ладно, думаю, для него и то уж честь, что выпал случай пить чай с уважаемым человеком. Он ведь помоложе меня! Сижу, пью чай, на него внимания не обращаю, а он — шасть в темноту и кричит оттуда: «Я мигом! Подождите немного, Рахим-ага!». И притаскивает большущую охапку хвороста. Никогда себе не прощу, говорит, если сегодня еще не попью с вами, Рахим-ага, чаю. Я говорю: «Время уже позднее, поспать бы немного». А он мне: «Нет, Рахим-ага, я жертвую сегодняшним сном. В жизни я не слышал таких умных и приятных речей. Даст Аллах, и мне что-нибудь от вашей мудрости перепадет.» Я засмеялся. Что правда — то правда, поговорить люблю, да и речи у меня дельные. Короче, всю ночь слушал он меня с открытым ртом, особенно стариной интересовался. А я ворошу и ворошу древние времена, про своих предков рассказываю. Когда меня начинало клонить в сон, он подавал пиалу свежего чая и просил не спать. И все удивлялся, как это я столько храню в памяти. «Ваши волосы недаром поседели. Голова ваша такая умная!» — вот что говорил он мне. Так, за разговорами и не заметили, как наступило утро…

Ябан почти не сомневался, что все рассказанное было плодом воображения Рахима. Тот любил иной раз присочинить, а потом сам верил в свои небылицы. Ему начинало казаться, что так было и в действительности. Особенно любил он похваляться дружбой с богатыми и знатными людьми. Сегодня Рахиму повезло, он нашел покорного слушателя и теперь заливался соловьем.

Отхлебнув глоток из пиалы, довольный собой, он продолжал сочинять:

— Так вот, рассвело. Я не привык спать днем, а Нургельды, вижу, уже изнемогает. Глаза у него так и слипаются. Я говорю: «Эх ты, слабак! Тебя хватило только на одну ночь. Будь мужчиной, проснись, встань. Пора домой.» А он сквозь сон мямлит: «Немного посплю, Рахим-ага, и пойдем». Но я не дал ему

покоя, пока не сели на коней. Он всю дорогу дремал в седле. Я даже боялся, как бы он не свалился с лошади, время от времени будил его. Мы, если по правде, и о тебе тогда вспоминали, Ябан… Едем, вдруг наши кони чего-то испугались. Смотрим — на дороге валяется дохлый джейран. Видно, от холода околел. Нургельды смеется: «Вот бы сейчас Ябана сюда, он бы поплакал над ним, как над родной матушкой». Я не удержался и плетью его по спине, не сильно конечно, предупредил, чтобы впредь не болтал глупостей. Я не люблю, когда оскорбляют уважаемых людей…

Ябан не заметил, как его сморил сон. Проснулся он на рассвете от холода. Костер прогорел. Рахим лежал на кошме, свернувшись калачиком. Время от времени он сладко улыбался: казалось, что и во сне он рассказывает небылицы. Из уголка рта у него вытекала слюна и уже успела порядком намочить тельпек, положенный под голову.

Ябан отправился собирать хворост. Когда вернулся, Рахим все еще спал. Ябан развел огонь, поставил кипятить воду.

Когда вода забурлила, он стал трясти спящего за плечо:

— Эй, Рахим! Вставай! Чай вскипел!

Рахим Йылма поднялся, отер снегом лицо и уселся на кошму, расстеленную у костра. Попил чай, съел разогретый на огне чурек.

— Ябан-джан, ты на не меня не обижайся, но у тебя, кажется, мука на исходе? Когда в прошлый раз у тебя был, заметил, что всего-то пол мешка осталось. Хотел тогда еще тебе муки в долг предложить, но подумал: вдруг обидишься, вдруг гордость твою задену?

Рахим Йылма опять разбередил начинающую заживать рану. У Ябана сошлись брови на переносице.

— Ты бы мне хоть намекнул, я бы дал тебе муки или пшеницы, сколько нужно. Не обижай своего старого друга, Ябан-джан. Вот вернемся…

— Пусть Аллах отблагодарит тебя, Рахим…

Когда они, закончив чаепитие, пошли ставить силки, восток уже заливала алая заря.

— Болезни совсем доконали меня, устал! — сказал Рахим,

хотя они прошли совсем немного. Посидим чуток, отдышусь, — попросил он, присаживаясь на камень. — Эх, неужели мне больше никогда не доведется поохотиться с беркутом! — Он задрал голову, и посмотрел туда, где на скале, по его рассчетам, было беркутиное гнездо.

Ябан решительно поднялся, взглядом пробежал путь от подножья скалы к самой вершине, потуже подпоясался и взял веревку.

— Друг! — воскликнул Рахим. — Неужели ты меня уважишь? Решил добыть мне беркутенка?! Давай полезем вместе, вот только чуть передохну.

— Не надо, — сказал Ябан. — Что там вдвоем делать!

Рахим Йылма, рассеянно следя за карабкающимся по отвесной стене Ябаном, думал о том, что вот уж столько раз он обманывал этого человека, пользуясь его простотой, а непохоже, чтобы тот держал на него обиду. На каждую просьбу откликается, ничего не жалеет для товарища. Нет, на этот раз обещания Рахима не будут пустыми словами. Он, действительно, как только они вернуться в аул, даст Ябану полный чувал зерна, не будет больше его обижать. Сейчас Ябан возьмет из гнезда беркутенка, птенец вырастет, и они — старые товарищи — будут вдвоем охотиться в Каракумах, любоваться седыми песками. А с Нургельды придется поговорить. Не нужен ни он, ни его дочь-лентяйка. У Рахима есть друг, который ради него готов пойти в огонь и в воду. Вот эта дружба и есть настоящее богатство. Эту дружбу нужно беречь… Но куда же он лезет!..

Чем выше забирался Ябан, тем сильнее ныло сердце у Рахима Йылмы. Ему захотелось, чтобы Ябан повернул обратно. А тот вскарабкался уже довольно высоко, и добравшись до крошечной площадки, где можно было немного отдохнуть, задрав голову, глядел туда, где чернела огромная глыба. Под ней было гнездо беркута.

Ябан начал подниматься быстрее, но чуть не сорвался — соскользнула с камня нога, и охотник с пронзительной ясностью осознал, что каждый его шаг может оказаться последним.

Эта отвесная скала стояла особняком от гряды и по сравнению с другими вершинами была невысокой, на ее северном склоне снег хотя еще не растаял, но белел лишь местами. Со стороны

казалось, что на скалу забраться нетрудно, но для Ябана, проведшего всю жизнь в пустыне, любой подъем был нелегким. Чем выше он поднимался, тем меньше оставалось сил. И Ябан со страхом подумал, что поднимается он слишком медленно, а до гнезда еще далеко.

Камни, за которые он цеплялся, были скользкими и холодными, и у Ябана закоченели пальцы. Он поочередно дышал на них, чтобы немного согреть. От усталости появилась дрожь в коленях. Теперь он понял, что не рассчитал силы и вначале поднимался быстрей, чем следовало. Спешка здесь ни к чему. Дрожь в коленях делалась все сильней, и вместе с ней усиливилось противное чувство страха. Хорошо бы найти хоть крошечный выступ и передохнуть…

Пытаясь приободрить себя, Ябан мысленно твердил, что до гнезда уже рукой подать, радовался каждому шагу к вершине. Подавшись вперед, он дотянулся до ближайшего выступа и до боли в пальцах ухватился за него. Это была возможность долгожданной передышки, но тут и с грохотом полетел вниз камень, на которой Ябан за миг до этого опирался. Показалось, что и камень, за который он сейчас держится, вот-вот сорвется. Ябан грудью налег на него и только после этого осмелился перевести дыхание и оглядеться.

Его взору открылся необозримый мир. И только сейчас Ябан понял, на какое опасное дело пошел. Призвав на помощь Аллаха, глянул вниз. Во-он он, Рахим! До сих пор сидит на том же месте. Смотрит на него. Маленький какой…

Ябану отчего то вдруг стало жаль его. Не такой уж он и вредный, а без охоты, видно, и впрямь жить не может…

Он вообразил, как обрадуется Рахим, увидев птенца, и сам воспрял духом. Сознание того, что он делает благое дело, прогнало усталость. Он представил, как они вдвоем будут охотиться в Каракумах и любоваться степным простором. Существует присловье: «Охота — не мед, а яд.» Но какой приятный яд! Особый вкус у него. Вдвоем с другом они вкусят его. Потом отдохнут в шалаше у колодца, почаев¬ничают, полакомятся дичью. Но…

Но может быть, все это обман, придуманный Рахимом? Может,

обещая вечную дружбу, рай земной, Рахим всего лишь завораживает Ябана, как варан ударами хвоста завораживает козу?
Стоило беркуту Ябана единожды обмануться, и он возненавидел отцовское вабило. А сколько раз Ябан клевал на вабило Рахима и тем не менее не смог отречься от старой, пусть неверной, дружбы. А может, он снова клюнул на приманку? Вернуться? Нет… Любое дело следует довести до конца, но это в последний раз.
Ябан глянул на лагерь. Костер все еще дымил. Стреноженные лошади обнюхивали друг друга. Раньше они враждовали. Видимо, даже кони почувствовали, что их хозяева подру¬жились…
Ябан хотел встать, но тут точно кто-то тихонько тронул его плечо. Уж не ангел ли смерти коснулся своим крылом?! Сердце екнуло. Какое чувство встревожило в этот миг его душу? Вспомнил жену? Детей? Да, он должен поднять их, должен выдать замуж дочь, женить сыновей и поставить им дома. Это священный отцовский долг, что завещан предками. Он не может уйти, не выполнив своего долга.
Ябан рассердился. Сейчас не время сейчас думать об этом. Он продолжил подъем. Вскоре оказалось, что ему не за что ухватиться. Камни были словно отполированные, а до гнезда оставалось еще метров двадцать. Теперь он не видел пути, ведущего к цели.
Довольно долго Ябан пребывал в растерянности. Если удастся ухватиться за торчащий чуть в стороне выступ, дальнейший путь будет преодолен. Но как дотянуться до него? Подпрыгнуть? Опасно… Стоит на вершок ошибиться и… Вот если бы набросить на этот выступ веревку!
Одной рукой держась за камень, другой он попытался размотать веревку, которая была закреплена на поясе, но не смог. Он глянул вниз и голова у него закружилась. Упершись лбом в холодную каменную стену, он постоял усмиряя сердцебиение. Пальцы чуть не примерзли к камню. Находиться в таком положении он долго не сможет, и Ябан заторопился, хотя еще не отдохнул, как следует. Спускаться будет, пожалуй, еще сложнее, — подумал он. И припомнив, как Рахим сочинял, будто влезал сюда ночью, и Ябан улыбнулся.

Перед его взором вдруг возникла кибитка. Отец радовался, когда женил Ябана! Он был угрюмым человеком, но в тот день улыбался, потому что исполнил свой долг. Неужели Ябан уйдет из этого мира, не выполнив отцовского долга. Не грех ли это перед собственными детьми? Нет, он не опозорится, потому что свято идет по родительской тропе…

Как ни старался Ябан упереться покрепче, ничего не получалось, мешал промокший, соскальзывающий с ноги чокай. Резким движением Ябан сбросил его. Остался в шерстяной портянке — стало удобнее. Теперь — последний рывок к гнезду беркута. Ябан решил испытать счастье. Он подпрыгнул, норовя дотянуться до желанного выступа, но пальцы предательски скользнули по мокрой стене…

Услышав страшный крик, Рахим вскочил как ужаленный и кинулся туда, где лежал Ябан. Глаза того были широко раскрыты. Казалось, они с сожалением смотрели на вершину скалы, где громоздилось гнездо беркута.

— Я же говорил… я же говорил… надо осторожнее… — стонал Рахим Йылма и, глянув в сторону гнезда, заскрежетал зубами.

В небе прямо над скалой показались два беркута. Они сделали круг и, убедившись, что гнездо в безопасности, растаяли в дрожащей синеве.

(Конец).

Powestler